

ЛИСИЧАНСКАЯ АНТРОПОМОРФНАЯ СТЕЛА

Анализируется раннекатакомбное изваяние из кургана у г. Лисичанска на Северском Донце, олицетворяющее древнее верховное божество индоевропейских народов.

Одним из перспективных направлений в изучении катакомбной проблематики северопричерноморских степей бронзового века является исследование археологических объектов, позволяющих реконструировать элементы религиозно-мифологического воззрения, духовную культуру [Санжаров, 2004, с. 141]. Разноплановая информация о воспринимаемом пространстве и мировом порядке древним индоевропейским катакомбным населением воплощалась в мифологических образах и нередко закреплялась в археологических источниках. К обширному комплексу последних относятся прежде всего курганные и погребальные конструкции, сам обряд захоронений [Клейн, 1979, с. 18-20; Ковалева, 1989, с. 46-47; Кияшко В., 1992, с. 45; Кияшко А., 2002, с. 69-71], культовые сосуды и их орнаментация [Чмыхов, Черняков, 1988, с. 92-93; Санжаров, 2004, с. 143-150], молоточковидные булавки [Кияшко В., 1992, с. 4-57], парадные топоры-молотки [Шарафутдинова, 1980, с. 67-68], игральные (гадальные) кости [Санжаров, 1988, с. 153-157], моделировки лицевых покровов [Отрошенко, Пустовалов, 1991, с. 75-81] и главное каменные антропоморфные изваяния [Рычков, 1979, с. 19-20; Довженко, 1991, с. 122-133], лучшие образцы которых, по образному выражению А.М. Смирнова, по богатству и разнообразию смысловых изображений не имеют «себе равных в европейском фигурарном искусстве» [Смирнов, 2004, с. 65]. В связи с ограниченностью находок антропоморфных стел в катакомбных комплексах эпохи бронзы исследователям приходится констатировать недостаточность источниковой базы для их изучения [Довженко, 1991, с. 123].

В некоторой мере восполнить данный пробел призвана настоящая статья, посвященная публикации и интерпретации Лисичанского антропоморфного изваяния – идола, выявленного в 2007 году экспедицией Археологического центра «Спадщина» Восточноевропейского национального университета имени Владимира Даля при исследовании курганного могильника на юго-западной оконечности г. Лисичанска в правобережной полосе среднего течения Северского Донца [Санжаров, Черных, Гершкович, Леоненко, 2008].

Курганный могильник включал 9 разновеликих насыпей, вытянувшихся цепочкой с востока на запад по гребню высокого водораздела. Из семи раскопанных курганов четыре (к. № 1-3, 6) возведены в раннекатакомбное время над катакомбными основными захоронениями. Шесть ранних катакомб были впущены в эти же насыпи.

В географическом отношении курганы и погребения могильника маркируют южную периферию так называемого Привольнянского выступа – северной излучины русла Северского Донца, в пределах которой и наблюдается одно из самых крупных сосредоточений ранних катакомб Восточной Украины. Данная группировка курганов отмечена С.Н. Братченко в качестве примера высотного раннекатакомбного некрополя с высоким уровнем грунтовых вод [Братченко, 2001, с. 20]. Из 100 монографически проанализированных исследователем ранних катакомб Подонцовья на район Привольнянского выступа пришлось 14 захоронений (Лисичанск, Северск, Тополевка, Приволье). После наших раскопок в Лисичанске в 2006-2008 гг. общее количество выявленных здесь ранних катакомбных погребений достигло 25.

В системе раннекатакомбных древностей Восточной Украины лисичанские захоронения [Санжаров, Черных, Леоненко, 2007, с. 18-21] выделяются целым комплексом особенностей, свойственных начальной стадии формирования раннекатакомбной общности с яркими, но еще неустойчивыми, новыми признаками на фоне позднеямной культурной окраски. Так, основные катакомбы на поверхности погребенной почвы по периметру входных шахт были окружены кольцевыми материковыми и каменно-материковыми валами. Все входные шахты, глубиной порой до 5 м, оказались забутованными камнями и преднамеренно усердно утрамбованы. Шахты

снабжались симметричными боковыми, торцевыми и угловыми ступенями – уступами и лоткообразными лазами на дне. Устья камер перекрывались массивными многослойными вертикальными заслонами из узких плит песчаника, имевших природную антропоморфность. Встречены одиночные и коллективные погребения умерших в слабоскорченном положении на правом боку с разворотом на спину. Погребенные размещались не только вдоль оси камер лицом к выходу, но и поперек оси ногами к выходу. Практиковалась преднамеренная подсыпка дна камер слоем мягкого чернозема до 0,3 м толщиной. Характерна обильная посыпка костяков порошком красной охры, встречены изображения стоп человека из охры, локальные участки древесных углей, лепешки из охры и смолы, а из инвентаря – многочисленные бронзовые черешковые ножи с треугольными и листовидными клинками, серебряные и бронзовые спиральные подвески в 1,5-4 оборота, стержневидные подвески с литым орнаментом, боченковидные и цилиндрические бусинки с орнаментом.

Весной 2008 г. в северной части г. Лисичанска (пос. Березово) экспедицией АЦ «Спадщина» ВНУ им. В. Даля был исследован еще один раннекатакомбный курган с единственным захоронением [Черных, Санжаров, 2008, с. 13-16]. Здесь стены глубокой входной шахты оказались орнаментированными узкими желобками в виде сплошной паркетно-растительной композиции, а в составе инвентаря найдены бронзовые нож с треугольным клинком и шило, молоточковидная орнаментированная булавка, массивная спиральная подвеска в 3 оборота, кремневые скребки, изделие из охры, абразивный камень.

Сосредоточение представительного количества раннекатакомбных архаических захоронений (почти четверть всего количества ранних катакомб Подонцовья) в районе Привольнянского выступа в окрестностях г. Лисичанска позволяет считать данный микрорайон одним из ведущих очагов катакомбного культуругенеза. Естественно, носители зарождающихся катакомбных традиций этого очага должны были иметь собственное святилище для поклонения верховному божеству.

Уникальной находкой явилось открытие в одном из центральных курганов Лисичанского могильника (курган 6 высотой 3 м, диаметром 32 м) каменного антропоморфного изваяния. Оно находилось в лежачем положении в северо-западном секторе кургана на глубине 1 м на уровне склона поверхности первичной насыпи, сооруженной над основным раннекатакомбным погребением 9. Входная шахта этой катакомбы также была окружена валообразным кольцом материкового грунта. Его диаметр 8 м, высота 0,6-0,7 м. Большая шахта (2,2x1,7 м) забутована обломками песчаника. Общий объем камней в ней достигал 6 м³. На дне камеры находился истлевший костяк взрослого человека в слабоскорченном положении на правом боку головой на юго-восток. Высота возведенной над основным захоронением насыпи составляла 1,5 м, диаметр – около 20 м. Вероятно, в центре кургана и была установлена антропоморфная стела. Стратиграфически зафиксировано, что впуск в данную насыпь других катакомб подсыпками, ее наращиванием не сопровождался. Лишь в раннесрубную эпоху после совершения раннесрубного погребения 1 насыпь была дорожена до современных размеров. Перед ее наращиванием представители раннесрубного населения, скорее всего, сместили каменное катакомбное изваяние на склон древнего кургана и затем засыпали. В процессе свержения и откатовки стелы чужеродным населением ей могли преднамеренно причинить прослеживаемые выбоины, символизирующие раны и увечья, что коррелируется с подобными ситуациями в отношении аналогичных древних изваяний [Чеченов, 1984, с. 250]. Вполне возможно, что на вершине первичного раннекатакомбного кургана антропоморфное изваяние простояло весь катакомбный период не менее 8 веков с 2700-2500 гг. до 1900 гг. до н. э. [Братченко, 2001, с. 47; Санжаров, 2007, с. 25].

Само изваяние изготовлено из прямоугольной плиты серого крупнозернистого песчаника с известковой коркой на тыльной стороне. Его размеры – 1,28x0,53x0,23 м. Сверху, на уровне плеч, выделена голова в виде массивного выступа с широким основанием. Поверхность древней скульптуры сильно выветрена и замыта, местами покрыта сколами, выбоинами и выщерблинами. Часть изображений лишена четких контуров и просматривается только при боковом освещении. Правая вертикальная грань повреждена в момент обнаружения. В древности была отбита и правая часть основания. В классификационной схеме каменных

изваяний скульптура относится к антропоморфным стелам со сложными изображениями, т.е. к идолам [Формозов, 1965, с. 179; Довженко, 1986, с. 23].

На лицевой стороне выступа-головы круглыми углублениями показаны глаза, а овальным – рот. Очерчивая основание головы, по покатым плечам и спине вырезаны два желобка, заканчивающиеся на уровне подбородка в верхней части груди. Объемным рельефом показаны сведенные на животе руки. В нижней части груди и в области живота ровным выгравированным желобком изображен крупный круг с крестом в центре. Выше него, в верхней части груди, таким же желобком показан кольцевидный медальон с выступающим ушком, окантованный по окружности девятью мелкими углублениями. В нижней части стелы двумя глубокими и широкими горизонтальными желобками изображены пояс, украшенный семью округлыми выпуклинами – бляхами, и фалловидный выступ под ним (рис. 1, 2; 2, 2).

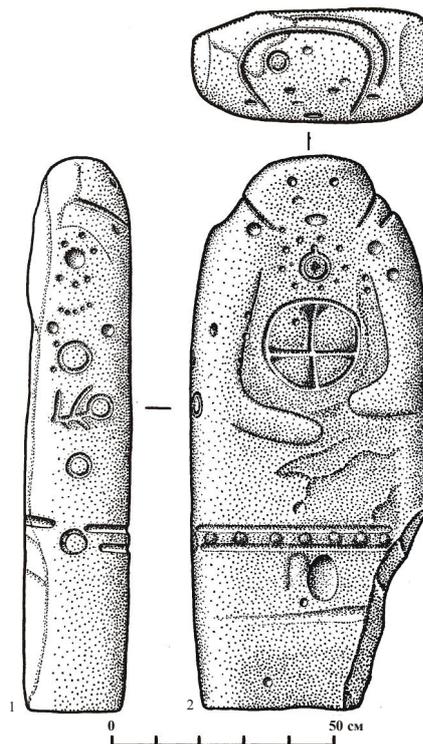

Рис. 1. Лисичанская стела-идол: 1 – правая боковая грань, 2 – лицевая сторона

На тыльной стороне стелы на известковой корке детальные изображения нанесены пикетажем. На спине показаны круг с крестом и горизонтальный желобок под ними. Между ними и контурами пояса размещены в вертикальном положении топор с рукоятью, а левее – простой лук со стрелой. Выше лука вырезано кольцо. Такое же кольцо показано и на правой затылочной части головы. Под композицией из топора и лука просматривается контур крестовидного креста. На тыльной части основания, под поясом, гравировкой и пикетажем изображены три концентрические окружности с косым крестом в центре (рис. 3, 2; 4, 2).

На правой боковой грани изваяния, выше пояса, сверху вниз по вертикали нанесены круглое крупное углубление в окантовке 6 вмятин, дугообразная вогнутая линия из пяти мелких вмятин, кольцо с примыкающими слева двумя вмятинами, составная фигура из кольца и горизонтальной елочки, кольцо. В месте стыковки желобков пояса имеется еще одно кольцо (рис. 1, 1; 2, 1).

На левой боковой грани стелы, на уровне локтевого сгиба, показан овальный предмет типа листовидного ножа или наконечника (рис. 3, 1; 4, 1).

Рис.2. Лисичанская стела-идол: 1 –правая боковая грань; 2 – лицевая сторона

Важен вопрос о месте Лисичанского изваяния в системе сопоставимых памятников эпохи раннего металла Северного Причерноморья. Каменные стелы получили значительную известность из-за неоднократных случаев их нахождения в погребальных комплексах ямной, так называемой кеми-обинской, катакомбной и в меньшей степени срубной [Березанська, Отрощенко, 1997, с. 503] культур. В широком плане были сделаны заключения о зоне ямных, кеми-обинских, усатовских и новосвободненских памятников, объединенных определенными общими признаками материальной культуры, в которой находки каменных стел могут свидетельствовать о близости идеологических представлений [Сафронов, 1974, с. 182], выводы о том, что различные изваяния и стелы маркируют культовую обрядность многих археологических образований, «принадлежат к обширному этнокультурному ареалу» [Даниленко, 1974, с. 83], а сама «идея изображения антропоморфных божеств» характеризует значительные территории Древнего Мира и общества на сходных ступенях исторического развития [Рычков, 1979, с. 19-20].

В настоящее время есть основание полагать, что в Северном Причерноморье массовое распространение антропоморфных стел непосредственно связано с племенами ямной культуры [Довженко, 1986, с. 35]. Подтверждает эти выводы также пересмотр культурной атрибуции кеми-обинских древностей и отнесение их к ямной культуре предгорья Крыма, испытавшей на себе воздействие местных неолитических традиций и культур Кавказа [Тощев, 2007, с. 89]. Да и на сам Северный Кавказ, прежде всего на территорию Кабардино-Балкарии, культ антропоморфных стел распространился как под влиянием древневосточных цивилизаций, так и под воздействием ямной культуры причерноморских степей [Чеченов, 1984, с. 252-253]. Именно в связи с массовостью и разнообразием стел в захоронениях ямной культуры появилась возможность создания подробной классификационной системы, в которой доминируют статуарные памятники трех групп: стелы (прямоугольные плиты со следами обработки без выступа-головы), антропоморфные стелы (обработанные плиты с выступом-головой) и идолы (антропоморфные стелы со сложными изображениями на поверхности). Примечательно, что большинство ямных стел имеет треугольные основания, удобные для вертикальной установки в грунт [Довженко, 1986, с. 21-36].

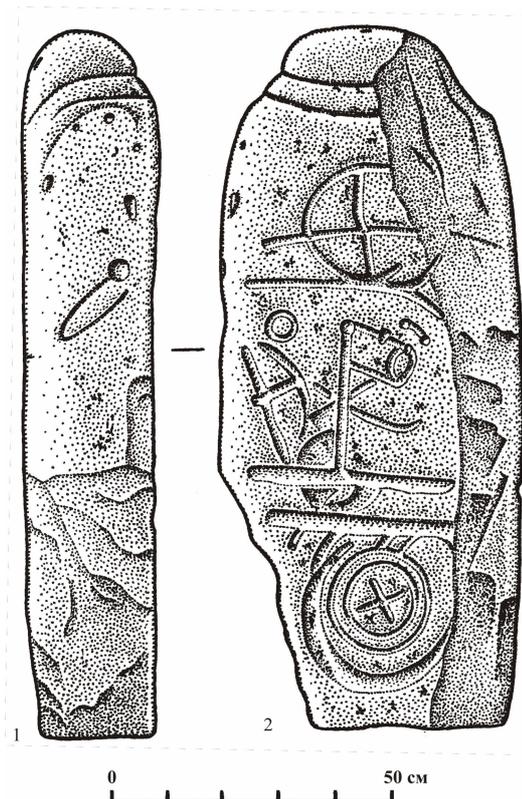

Рис. 3. Лисичанская стела-идол: 1 – левая боковая грань; 2 – тыльная сторона

Известная преемственность в материальной и духовной культурах, фиксируемая в позднелесных и раннекатакомбных комплексах, объясняет распространение каменных стел и в катакомбной среде. Н.Д. Довженко сделано важное наблюдение в отношении того обстоятельства, что подавляющее количество антропоморфных стел в катакомбных погребальных сооружениях происходит из регионов, где в предшествующий период имело место массовое применение скульптурных памятников в обрядах ямных племен [Довженко, 1991, с. 123]. Данное положение иллюстрирует ситуацию в степном междуречье Южного Буга и Днестра, хотя восточнее, в Днепровском левобережье и в Подонье, находки катакомбных изваяний не всегда совпадают с районами распространения ямных стел.

По основным морфологическим признакам, как доказывает Н.Д. Довженко, катакомбные и ямные изваяния почти тождественны. Незначительные вариации проявляются в том, что катакомбные стелы имеют несколько меньшие размеры, менее выраженную высоту уступов-голов и преимущественно прямоугольные или аморфные основания. В техническом плане они сделаны более примитивно, грубее, но все же в рамках ямных приемов техники пикетажа. Чтобы каким-то образом разграничить почти однородные стелы, Н.Д. Довженко предложила в отношении катакомбных статуарных памятников употреблять термин «катакомбная пластика», отделяющий катакомбные стелы от «монументальной скульптуры энеолитического и позднелесного времени» [Довженко, 1991, с. 124].

Отдельно следует остановиться на замечаниях Н.Д. Довженко в отношении особого характера каменных антропоморфных изваяний Левобережной Украины, катакомбные стелы которой не совпадают с регионами концентрации ямных. На этой территории, в восточном ареале распространения северопричерноморских стел, «катакомбные пластические изделия полностью оригинальны по своим пропорциям и форме» [Довженко, 1991, с. 125]. Несколько раньше Н.А. Рычков пришел к выводу о двух зонах антропоморфных изваяний Северного Причерноморья. Как он отмечает, основное количество антропоморфных стел концентрируется

в районах, непосредственно примыкающих к побережью Черного и Азовского морей, южнее 48-й параллели [Рычков, 1979, с. 16]. Стелы, выявленные севернее этой параллели, весьма специфичны по характеру частей тела, детализировкам изображений, символическим предметам и разнообразным атрибутам. Приведенная ситуация «наталкивает на мысль об исключительности более сложных изваяний по сравнению с более простыми» [Рычков, 1979, с. 19].

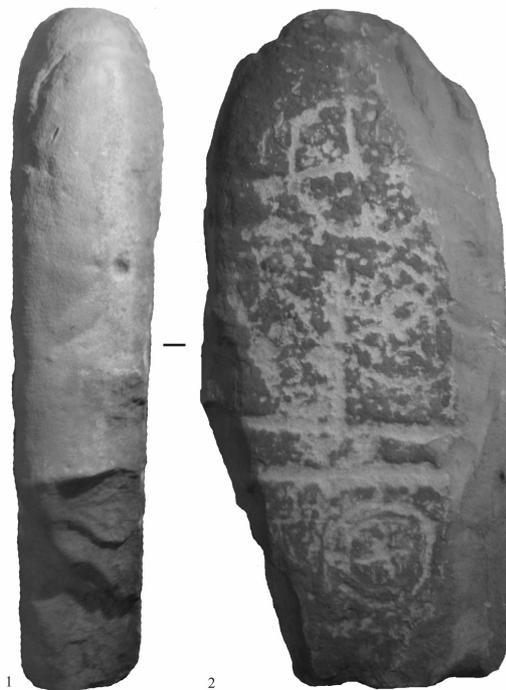

Рис. 4. Лисичанская стела-идол: 1 – левая боковая грань; 2 – тыльная сторона

Наличие двух ареалов распространения несколько различающихся каменных антропоморфных изваяний объясняется проявлением двух близких, но с внутренними отличиями, систем мифологических воззрений, функционирующих в контактном пространстве Северного Причерноморья – «с одной стороны, на восточной периферии мегалитического мира Европы, к которому они как феномен принадлежат, с другой – в ареале, достижимом для влияний ближневосточных цивилизаций с их богатством и разработанностью сакральных областей культуры» [Смирнов, 2004, с. 65].

Лучшими образцами антропоморфных изваяний восточного ареала их распространения являются статуарные памятники, отнесенные к классу идолов. Среди них я бы назвал изваяния из Натальевки [Даниленко, 1951, с. 218, рис. 1, 3; 1974, с. 83, рис. 55, 1] и Керносовки [Крылова, 1976, с. 37, рис. 1] Днепропетровской обл., Федоровки Полтавской обл. [Супруненко, 1991, с. 154, рис. 1, рис. 2], Сватово Луганской обл. [Братченко, 1989, с. 73, рис. 3, 5; 2004, с. 170, рис. 84], Новочеркаска [Раев, 1979, с. 105, табл. 5, 27; Даниленко, 1974, с. 82, рис. 53, 2; Смирнов, 2004, с. 67, рис. 1, 2] и Кручи [Парусимов, 1997, с. 43, рис. 9, 1] Ростовской обл. Вопрос об их конкретной культурной атрибуции остается спорным, поскольку все приведенные образцы древней монументальной скульптуры выявлены вне археологического контекста, но вблизи разрушенных курганов, т.е. могли первоначально находиться в насыпях или были установлены на вершинах. Лишь стела из х. Кручи встречена в момент раскопок в восточной поле насыпи кургана в вертикальном положении лицевой частью на восток. Конкретной культурной привязки и здесь мы не находим, т.к. основное захоронение оказалось разрушенным впускным позднеямным погребением, а остальные впускные могилы являлись катакомбными [Парусимов, 1997, с. 10-12].

Несмотря на массовое нахождение антропоморфных стел в ямных погребениях, долгое время они отождествлялись с энеолитическими памятниками, с носителями древностей нижнемихайловского типа или же с кеми-обинской культурой [Гладких, 1997, с. 367], а носителям ямной культуры отводилась негативная роль разрушителей древних энеолитических святилищ, откуда они брали стелы для перекрытий своих погребальных конструкций [Телегин, 1971, с. 16]. Сам факт первичного появления антропоморфных изваяний в период энеолита, культового использования стел в специальных комплексах – святилищах, действительно имел место и вполне аргументирован. В качестве примера подобного энеолитического святилища Е.В. Яровой приводит сложную внутрикурганную конструкцию около Григориополя (курган 9) на левобережье среднего течения Днестра, состоящую из системы круглых ям с вертикальными дубовыми бревнами, трапециевидных в профиле ровиков, каменных вымоستков на уровне погребенной почвы и на поверхности кургана с выраженными следами кострищ, находками черепов зубров, туров и быка домашнего. В курганной насыпи найдены как антропоморфные, так и зооморфные стелы [Яровой, 1989, с. 55-58]. Более того, кроме существования сложных святилищ, не вызывает сомнений и то, что любой курган, тем более со стелой, является не просто местом захоронений, но и местом совершения обрядовых, культовых действий, т.е. реальным святилищем в восприятии древнего степного населения. Исследователи неоднократно акцентировали внимание на прямую связь антропоморфных изваяний с курганной насыпью. Сами антропоморфные стелы нередко представлены в виде надмогильных статуй, деталью сложного архитектурного сооружения – кургана [Формозов, 1966, с. 92-93]. Но атрибутировать все стелы исключительно энеолитом, как и отводить ямному населению роль разрушителей древних святилищ, нет оснований. Тем более, что многие антропоморфные изваяния были вторично использованы в качестве перекрытия в тех же энеолитических погребениях [Яровой, 1989, с. 60].

Антропоморфные стелы, как уже отмечалось, достаточно широко применялись и в катакомбной погребальной обрядности, особенно в междуречье Днепра и Буга. На востоке их общего ареала распространения в Северном Причерноморье стелы большей частью фиксируются в закладах устьев камер ранних катакомбных захоронений. Типичные катакомбные антропоморфные изваяния этого ареала представлены прямоугольными плитами из песчаника, известняка или кварцита с преднамеренно выделенным выступом – головой, иногда – со следами красной охры. В Подонцовье они найдены в раннекатакомбных погребениях у Александровска (кург. 8, погр. 2; кург. 10, погр. 4) [Братченко, 2001, с. 90, рис. 16, 5, с. 93, рис. 19, 2] и Новоникольского (кург. 1, погр. 6) [Братченко, Швецов, 1991, с. 174, рис. 8]. К этому же классу стел условно можно отнести каменное изваяние с нечетким выступом – головой из ранней катакомбы близ Жданова (Виноградники, кург. 1, погр. 8) [Кульбака, Качур, 1998, с. 15, рис. 6, v]. Не менее яркие образцы подобных стел из Астахова [Евдокимов, 1991, с. 189, рис. 2] и Ровенек [Красильников, 2002, с. 95, рис. 5, 1], к сожалению, не атрибутированы и выявлены в разрушенных курганах.

Нередко в заслонах устьев камер как ранних катакомб, так и развитого, и даже позднего периода, использовались плиты с примитивной подтеской граней. Их трудно назвать стелами, скорее – стелообразными плитами, камнями, поскольку поверхность таких камней лишена следов тщательной обработки, а выступы имеют природное происхождение. Примером подобных стелообразных плит могут служить камни из заслонов устьев камер катакомб развитого и позднего периодов из Пионерского (кург. 1, погр. 2; кург. 8, погр. 3; кург. 9, погр. 1) [Красильников, 2002, с. 90, рис. 2, 2; с. 92, рис. 3, 2; с. 93, рис. 4, 4]. Аналогичные стелообразные плиты использовались в перекрытиях могил и других регионов, например, в погребальных сооружениях раннего бронзового века Северного Кавказа [Чеченов, 1984, с. 211].

В интерпретации антропоморфных стел и стелообразных плит из катакомбных захоронений нам близка позиция Н.А. Рычкова в отношении того, что в отличие от изваяний-идолов, устанавливаемых в святилищах высокого ранга (родовых, племенных), простые стелы могли использоваться более мелкими общественными единицами (отдельными семьями?) [Рычков, 1979, с. 19]. В момент совершения таинства погребального обряда, внутри самой погребальной конструкции такие стелы могли выполнять функции оберегов, в русле

охранительной магии предотвращали нежелательное возвращение душ умерших в мир живых людей, т.е. выполнять важные обрядовые роли, связанные с посмертной трансформацией душ, служить залогом нового возрождения [Кияшко В., 1992, с. 45].

В системе антропоморфных изваяний – идолов восточного ареала их распространения в степной зоне Северного Причерноморья именно Лисичанская стела получила конкретную раннекатакомбную атрибуцию в связи с ее нахождением в раннекатакомбном кургане. По форме самой песчаниковой плиты, из которой стела изготовлена, и технике нанесения изображений она близка изваяниям из Новочеркасска, Сватово, Кручи и Федоровки. Имеющие плитообразную форму и желобчатые изображения, выполненные в плоском рельефе, стелы из Керносовки и Натальевки выглядят более архаичными. Более того, на наш взгляд, Лисичанское изваяние можно отождествлять с Новочеркасской стелой. Обе они выделяются широкими выступами-головами на массивном сглаженном основании плеч с окантовками двумя рядами желобков. Контуры рук антропоморфных фигур показаны объемным рельефом, грубыми разновеликими желобами изображены пояса, строго вертикально расположены на животе и груди рукояти орудий типа топора или посоха.

Изображения поясов, топоров, луков и ножей можно рассматривать в качестве традиционных на большинстве антропоморфных изваяний северопричерноморских степей. Присутствие их на Лисичанской стеле дает основание полагать, что относится она к древним индоевропейским антропоморфным статуям, воспроизводящим верховное мужское божество с главными воинственными символами власти [Даниленко, 1974, с. 83]. Такие же символы, соответствующие индоевропейской атрибутике, имеются на многих каменных изваяниях божеств в других европейских странах. Однако там в системной группировке подобной символики, всегда ведущим выступает солярный знак, абсолютно необходимый для индоевропейского верховного божества [Gimbutas, 1980, p. 304]. В группе северопричерноморских стел-идолов выраженная солярная символика имеется только на Лисичанской стеле – кольцевидный медальон на груди, круг с крестом на животе, круг с крестом на спине, концентрические окружности с косым крестом на основании тыльной стороны, многочисленные кольца и круглые вмятины. С другой стороны, изображения стоп человека и ребер в виде вертикального растительного орнамента – дерева жизни, характерные почти для всех северопричерноморских статуарных памятников, отсутствуют на Лисичанской стеле.

Между тем, характер растительных орнаментов, символы дерева жизни, присутствующие на ряде антропоморфных стел, находят адекватное выражение и коррелируются с применением такой же символики в погребальном обряде энеолитических и кеми-обинских (ямных) племен, в первую очередь на плитах гробниц [Дворянинов, 1980, с. 42-52; Гладких, 1997, с. 363-366; Тошев, 2007, с. 78-85]. В погребальном обряде ранних катакомбных племен подобная символика почти отсутствует. Лишь в единичных случаях на стенках входных шахт катакомб, содержащих останки представителей родо-племенной аристократии, прослежены врезные растительные мотивы и изображение дерева жизни – у Зимогорья (кург. 2, погр. 2) [Братченко, 2001, с. 114, рис. 40], Сватово (кург. 12, погр. 3) [Братченко, 2004, с. 124, рис. 45, 1] и Лисичанска (Березово, кург. 1, погр. 1) [Черных, Санжаров, 2008, с. 15-16].

По всей видимости, в раннекатакомбное время произошла трансформация представлений, связанных с деревом жизни. Как символ плодородия живых он преобразовался в символ возрождения мертвых. Его символика не прижилась в погребальной обрядности и не стала массовой, но закрепилась в орнаментационных сюжетах на керамике. В течение всего ямно-катакомбного периода растительные мотивы нашли широкое выражение и воплощение в многорядье шнуровых и тесемчатых декоров литых металлических украшений и орудий. Как отмечает В.Я. Кияшко, из самих орнаментов исчезают шестиэлементные мотивы и замещаются на семиэлементные, что отображает «поворот на рубеже III – II тыс. до н.э. от «материнских» культов Земли к «отцовским» религиям Солнца [Кияшко В., 1992, с. 34-35].

По наблюдениям А.В. Кияшко, на этапе перехода от ямного к катакомбному обряду погребения в жизни древнего степного населения произошла настоящая революция в духовной сфере. Радикальный характер изменений имела и универсальная смысловая орнаментация, ее

семантическая нагрузка. В орнаментации, особо на керамике, это проявилось в переходе от древних горизонтально-зональных к вертикально-зональным композициям. Эти преобразования отражали радикальную смену эпохальных религиозных представлений [Кияшко А., 2002, с. 126-127]. Наряду с вышеотмеченным, произошло переосмысление отношения к особым культовым предметам – орнаментированным молоточковидным булавкам. В раннекатакомбном захоронении у Лисичанска (Березово, кург. 1, погр. 1) найдена булавка уже со сточенным в виде лопаточки окончанием, т.е. со следами вторичного использования, перепрофилированная в инструмент для нанесения врезного орнамента на стенки входной шахты.

Начиная с раннекатакомбного времени, изображения стоп человека из охры на дне камер весьма широко внедряются в погребальный обряд, хотя до этого их рисунки были известны разве что на антропоморфных стелах и среди петроглифов Каменной могилы [Рудинский, 1961, с. 66, табл. XXI; с. 71-72, табл. XXII XXIII; с. 91-94, рис. 59-60], относящихся к концу неолита – энеолиту и выражающих идеи «плодородия, солнечного божества, солнца, путешествующего, шагающего по мирозданию» [Титова, 1982, с. 14]. Как смысловой элемент катакомбной погребальной обрядности рисунки человеческих стоп из порошка красной охры могут выражать само присутствие божества в данном ритуале [Ричков, 1982, с. 67-69; Санжаров, 1983, с. 205-206]. На антропоморфных стелах стопы расположены на различных частях тела и с различной направленностью мысков в статическом виде. Здесь было важно зафиксировать реальность олицетворения человекообразного божества, реальность воплощения, его аватару [Ричков, 1982, с. 68]. Однако в погребальных камерах катакомб изображения стоп размещаются непосредственно у ног умерших и всегда мысками, обращенными в сторону выхода. В данном случае их семантика соответствует идее о посмертном путешествии души [Кияшко А., 2002, с. 69], по всей видимости, под покровительством божества, но уже олицетворяющего не плодородие, солнечное божество, а посмертную сторону бытия. Только этим можно объяснить в русле идеологических преобразований в раннекатакомбную эпоху отсутствие подобных символов на верховном божестве, которое воплощало Лисичанское изваяние.

На этапе перехода степного населения от ранней к средней бронзе, как отмечает А.В. Кияшко, новым элементом в орнаментальных композициях выступает спирально-концентрический мотив [Кияшко А., 2002, с. 127], один из наиболее распространенных символов солнца. Идея круга соответствовала пространственному восприятию окружающего мира и соотносилась с основными параметрами мифологического миропонимания. У древних степных народов эта идея нашла отражение в погребальной обрядности и выразилась в круглой конфигурации курганных насыпей и кольцевых подсыпках. Катакомбное население широко практиковало круговую планировку своих впускных могил. На примере основных ранних катакомб Лисичанского могильника, что отмечалось выше, можно говорить о традиции возведения кольцевых валообразных сооружений из материковой глины. Четкий солярный символ в виде круга с крестом внутри, нанесенный красной охрой, зафиксирован на внутренней стороне одной из продольных плит разрушенного захоронения катакомбного времени близ с. Долинное в Крыму [Щепинский, 1961, с. 227].

В то же время на всех известных антропоморфных стелах-идолах Северного Причерноморья символика круга отсутствует. Лишь на Федоровской стеле имеется круглое углубление, обрамленное валиком, а на поясе – семь круглых вмятин, трактуемых А.Б. Супруненко как олицетворение календарных циклов и проявление солярной символики [Супруненко, 1991, с. 156-157]. На стеле же из Лисичанска подобных солярных знаков множество и размещены они на значимых местах. Так, семью округлыми выпуклинами-бляхами украшен пояс, что определенно дублирует новую семиэлементную семантику украшений вмятинами на Федоровской стеле. Центральным символом представляется крупный круг с крестом внутри. Он маркирует грудь и живот изваяния божества, на тыльной стороне – спину. Здесь же, ниже пояса, нанесены концентрические окружности с косым крестом в середине. Точно такие же символы, выполненные пуансоном, известны на круглых бронзовых бляхах из позднейших и раннекатакомбных захоронений [Санжаров, 1992, с. 34-37]. Примечательно, что весь основной спектр солярной символики, известной племенам раннебронзового века Украины, представлен именно на бронзовых круглых слабовыпуклых бляхах из позднейших и

раннекатакомбных погребений, которые иллюстрируют местную модификацию данного типа украшений. Почти на всех бляхах в различных вариациях в пуансонной технике нанесены круг с крестом в центре, концентрические окружности или спираль [Черных, 1996, с. 34-36, рис. 2, А, 1-19].

В верхней части груди божества изображен кольцевидный медальон в окружении 9 круглых вмятин. Подобные бронзовые медальоны в Донецко-Донском регионе не известны в захоронениях ямной культуры и появляются только в раннекатакомбный период, иногда совместно с бронзовыми круглыми бляхами с пуансонным орнаментом [Братченко, 2001, с. 44]. Непосредственно на изваянии божества такой медальон означал не только украшение, но и олицетворял один из главных солярных символов.

В мифологических воззрениях древних народов круг, круг с крестом в центре являлся символом единения четырех корней мира: огня, воды, земли и воздуха [Шилов, 1975, с. 189] и воплощал представления о пространстве [Антонова, 1984, с. 76]. В работах Б.А. Рыбакова круг с крестом рассматривается в виде солнечного диска, знака солнечного божества, выражение идеи о времени [Рыбаков, 1981, с. 199]. Сам ход времени более всего соотносится с символикой концентрических окружностей и косым крестом, изображенных на Лисичанском изваянии, т.е. на статуе верховного солнечного божества, главного персонажа индоевропейской мифологии – образа Бога Сиятельного Неба [Gimbutas, 1980, p. 304].

В заключение отметим, что в системе северопричерноморских стел высшего уровня классификации, т.н. идолов, Лисичанское изваяние отражает особенности восточного региона их распространения, более всего подверженного влиянию элементов культур древних цивилизаций Востока, и является, по всей видимости, заключительным звеном общей эволюции стел подобного типа от энеолита до раннего бронзового века включительно. Данное изваяние, в отличие от прочих известных стел-идолов, имеет четкую культурную атрибуцию, обусловленную местом нахождения в раннекатакомбном курганном комплексе. Отнесение Лисичанской антропоморфной стелы к раннему этапу катакомбной культуры Северскодонецкого региона подтверждается характером имеющихся на ней изображений кольцевого медальона и солярных символов, среди которых выделяются круг с крестом в центре и концентрические окружности с крестом. Отсутствие на стеле типичных для прочих изваяний символов дерева мира и изображений стоп человека является отражением радикальных изменений в духовной сфере древних степных племен, репрезентующих новый этап развития, этап раннекатакомбной общности с его реформированными семантическими нагрузками, прежде всего, с утверждением духовной власти могущественного солнечного божества.

Не исключено, что в соответствии со своим высоким религиозным статусом, курган с Лисичанским изваянием находился в центральном регионе формирования крупнейшей родоплеменной раннекатакомбной группировки, занимающей пространство Привольнянского выступа правобережья среднего течения Северского Донца, что подтверждается особой концентрацией выявленных здесь раннекатакомбных захоронений с явными признаками социальной значимости – колоссальными затратами труда на сооружение курганных насыпей и значительных по объемам и глубинам погребальных катакомбных сооружений, а также наличием почти во всех захоронениях престижных бронзовых изделий.

Учитывая сильные позднейшие доминанты в погребальной обрядности и в инвентаре ранних катакомбных захоронений Лисичанского курганного могильника, само антропоморфное изваяние может датироваться ранней стадией раннекатакомбного этапа, в пределах 2700-2600 гг. до н.э. [Братченко, 2001, с. 47].

Список использованных источников

1. Антонова Е.В. Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. - М: Наука, 1984. - 197 с.
2. Березанська С.С., Отрощенко В.В. Духовна культура. Бронзовий вік // Давня історія України. - Том 1. - Київ: Наукова думка, 1997. - С. 496-529.
3. Братченко С.Н. Донецька катакомбна культура раннього етапу.-Луганськ: Шлях, 2001.-196с.
4. Братченко С.Н. Лук і стріли доби енеоліту-бронзи півдня Східної Європи // Археологія. – 1989. - № 4. – С. 70-82.

5. Братченко С.Н. Прадавня Слобожанщина: Сватівські могили-кургани III тис. до н.е. та майдани // Матеріали та дослідження з археології Східної України. - Вип. 2. - Луганськ: СХУ, 2004. - С. 65-190.
6. Братченко С.Н., Швецов М.Л. Северскодонецкие катакомбные погребения на реке Красная // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. - Киев: РАМУС, 1991.-С. 165-186.
7. Гладких М.Л. Духовна культура. Населения в эпоху енеоліту // Давня історія України. - Т. 1. - Київ: Наукова думка, 1997. - С. 347-374.
8. Даниленко В.М. До кіммерійської проблеми // Археологія. - 1951. - Т. V. -С. 218-225.
9. Даниленко В.Н. Энеолит Украины. Этноисторическое исследование. – Киев: Наукова думка, 1974. - 176 с.
10. Дворянинов С.А. Энеолитические календари на юге Европейской части СССР // Северо-Западное Причерноморье в эпоху первобытно-общинного строя. - Киев: Наукова думка, 1980. - С. 42-52.
11. Довженко Н.Д. Каменные изваяния в погребальном обряде племен ямной культуры / Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно- историческая общность (южнобугский вариант). - САИ. - Вип. В 1-3. - Киев: Наукова думка, 1986. - 160 с.
12. Довженко Н.Д. Кам'яні статуї в поховальному обряді катакомбних племен Північного Причорномор'я // Поховальний обряд давнього населення України. - Київ: Мінвуз УРСР, 1991. - С. 122-133.
13. Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. — Волгоград: ВГПУ, 2002.-268 с.
14. Кияшко В.А. К вопросу о молоточковидных булавах // Донские древности. – Вип. 1. – Азов, 1992. – С. 4-57.
15. Клейн Л.С. Смысловая интерпретация совместных погребений в степных курганах бронзового века // ТДНК "Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы". - Донецк, 1979. - С. 18-20.
16. Ковалева И.Ф. Социальная и духовная культура племен бронзового века. - Днепрпетровск: ДГУ, 1989. - 89 с.
17. Красильников К.И. О семантике антропоморфных стел из степного Подонцовья // Матеріали Міжнародної наукової конференції «Історична наука: проблеми розвитку». - Луганськ: СХУ, 2002. - С. 88-98.
18. Крылова Л.П. Керносовский идол (стела) // Энеолит и бронзовый век Украины. – Киев: Наукова думка, 1976. - С. 36-46.
19. Кульбака В., Качур В. Соматичні культури бронзового віку півдня Східної Європи. - Маріуполь: МГІ, 1998. - 60 с.
20. Отроценко В.В., Пустовалов С.Ж. Обряд моделировки лица по черепу у племен катакомбной общности // Духовная культура древних обществ на территории Украины. - Киев: Наукова думка, 1991. - С. 59-84.
21. Парусимов И.Н. Труды Новочеркасской археологической экспедиции. - Вип. 2. - Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 1997. - 67 с.
22. Попович М.Ф. Мировоззрение древних славян. - Киев: Наукова думка, 1985. - 174 с.
23. Раев Б.А. Каталог археологических коллекций. - Новочеркасск: Ленуприздат, 1979. - 162 с.
24. Рудинський М.Я. Кам'яна могила. - Київ: Изд-во АН УРСР, 1961. - 140 с.
25. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – Москва: Наука, 1981. - 503 с.
26. Рычков Н.А. К вопросу об антропоморфных стелах рубежа энеолита и эпохи бронзы // Памятники древних культур Северного Причерноморья. - Киев: Наукова думка, 1979. - С. 14-20.
27. Ричков М.О. Про зображення «ступнів ніг» на антропоморфних стелах доби раннього металу // Археологія. - 1982. - № 38. - С. 64-69.
28. Санжаров С.М. Східна Україна на рубежі середньої-пізньої бронзи. - Автореф. докт. дис. - Київ, 2007. - 33 с.
29. Санжаров С.Н. К вопросу о семантике орнаментов катакомбной культуры эпохи средней бронзы // Вісник Східноукраїнського національного університету імені Володимира Даля. – 2004. - № 9 (79). – С. 141-151.
30. Санжаров С.Н. Катакомбное погребение близ г. Северска // СА. - 1983. - № 3. - С. 202-207.
31. Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры с игральными костями // СА. - 1988. - № 1. - С. 140-158.
32. Санжаров С.Н. Северскодонецкие раннекатакомбные погребения с орнаментированными бляхами. – Луганск: ВУГУ, 1992. - 55 с.
33. Санжаров С.Н., Черных Е.А., Гершкович Я.П., Леоненко Ю.А. Отчет об исследованиях Восточнoукраїнського отдела Восточнoукраїнського філіала НА НАН України в 2007 г. // НА НА НАНУ, ф. э. 2007/33.
34. Санжаров С.Н., Черных Е.А., Леоненко Ю.А. Исследование Лисичанского курганного могильника // ТДНК «Археологічні відкриття на Сході України в 2007 р.» - Луганськ: СХУ, 2007. - С. 18-21.
35. Сафронов В.А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. - Вип. 5. - Москва, 1974. - С. 23-173.

36. Смирнов А.М. Изображения посохов на антропоморфных изваяниях эпохи энеолита в Северном Причерноморье и Средиземноморье. Аналогии, интерпретации // Памятники археологии и древнего искусства Евразии. – Москва: Институт археологии РАН, 2004. – С. 65-92.
37. Супруненко Б.А. Антропоморфная стела эпохи раннего металла из Полтавской области // СА. – 1991. – № 3. – С. 153-160.
38. Телегін Д.Я. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. – 1971. – № 4. – С. 3-17.
39. Титова Е.Н. Об интерпретации и хронологии композиций со ступнями из Каменной могилы // Материалы по хронологии археологических памятников Украины. – Киев: Наукова думка, 1982. – С. 5-15.
40. Тошев Г.Н. Крым в эпоху бронзы. – Запорожье: ЗНУ, 2007. – 304 с.
41. Формозов А.А. О древнейших антропоморфных стелах Северного Причерноморья // СЭ. – 1965. – № 6. – С. 177-181.
42. Формозов А.А. Памятники первобытного искусства на территории СССР. – Москва: Наука, 196.-127 с.
43. Черных Е.А., Санжаров С.Н. Исследование раннекатакомбного кургана в п. Березово (г. Лисичанск) // ТДНК «Археологічні відкриття на Сході України в 2008 р.». – Луганськ: СНУ, 2008. – С. 13-16.
44. Черных Л.А. К вопросу о происхождении кованых слабовыпуклых блях в комплексах ранней бронзы Украины // ТДНК «Дно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи». – Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 1996. – С. 31-36.
45. Чеченов И.М. Вторые курганные группы у селений Кишпек и Чегем II // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. – Нальчик: «Эльбрус», 1984. – С. 164-253.
46. Чмихов М.О., Черняков І.Т. Хронологія археологічних пам'яток епохи міді-бронзи на території України. – Київ: КДУ, 1988. – 180 с.
47. Шарафугдінова І.М. Орнаментовані сокири-молотки з катакомбних поховань на Інгулі // Археологія. – 1980. – № 33. – С. 60-70.
48. Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. – Ленинград: Наука, 1975. – 219 с.
49. Щепинский А.А. Солярные изображения эпохи бронзы из Крыма // СА. – 1961. – № 2.-С. 227-231.
50. Яровой Е.В. Древнейшие монументальные изображения Днестровско- Прутского междуречья // Памятники древнего искусства на территории Молдавии. – Кишинев: «Штиинца», 1989. – С. 47-62.
51. Gimbutas M. The Kurgan Wave 2 (3400-3200 B.C.) into Europe and the Following Transformation of Culture // The Journal of Indo-European Studies. – 1980. – V. 8. – N. 3 and 4. – P. 273-315.

Санжаров С.М.

ЛИСИЧАНСЬКА АНТРОПОМОРФНА СТЕЛА

Стаття присвячена публікації і аналізу стародавньої антропоморфної стели із м. Лисичанська в басейні Сіверського Дінця. З усіх антропоморфних стел доби раннього металу тільки Лисичанська статуя отримала точну культурну атрибуцію завдяки виявленню в кургані раннього етапу катакомбної культури. Ця стела позбавлена деяких типових зображень (малюнки стоп людини і дерева життя), але наділена багаточисельними солярними символами, серед яких виділяються кола з хрестами в центрі і концентричні кола з хрестом. На думку автора, Лисичанська стела втілює верховне сонячне божество і відображає деякі зміни міфологічних уявлень, події в ранньокатакомбну епоху. Датуються стела 2700-2600 рр. до н.е.

Sanzharov S.N.

ANTHROPOMORPHOUS STELA FROM LISICHANSK

This paper deals with the publication and analysis of the ancient anthropomorphous stela from Lisichansk in the Severskiy Donets area. Among all of the same artefacts which are known today the Lisichansk statue just has the exact cultural attribution due to revealing in the barrow of the early stage of the Catacomb Culture. This stela hasn't some typical images (figures of the man foot and Tree of Life), but has the numerous solar symbols among which circles with crosses in the center and concentric circles with a cross are allocated. In the author opinion the Lisichansk stela is an incarnation of the Supreme Solar Deity which represents some changes in the mythology during time of the Early Catacomb Culture. This stela might be dated 2700 - 2600 BC.